

Содержание

Кабан и его зоолог
Вместо предисловия

6

Заповедная прописка

36

Инженер, агроном и авантюрист

57

Вепревы дети: кабаны крупным планом

88

Кабан организует пространство

113

Как посчитать кабанов

140

Фотоловушка на кабана

159

Кабаны и их информация

187

По следам секача Лосеного

219

Фекалии, ловушки или фотоловушки?

245

Знать кабана в лицо

253

Блеск и нищета кабанихи Черной
271

Между хищником и жертвой
303

Пегая — царица болот
324

Голодная зима
339

Хрюня: спасательная операция
349

Хрюня: укрощение дикого подсвинка
369

Хрюня: дневник кабаньего санатория
392

Борьба кабанихи Элеоноры
417

Тяготы лета
430

Кабан как личность
445

Кабаны и мы
463

Примечания
474

Самое строгое объективное описание либо изображение животного или растения все-таки отступает от истины в одном решающем отношении, если оно не делает очевидной красоту этого живого организма. <...> Мы не должны допускать ни малейшего отступления от реальности только потому, что нас на это толкает эстетическое чувство. Но, с другой стороны, наше изображение не будет совершенно точно соответствовать реальности, если оно одновременно не выразит красоты, присущей оригиналу¹.

К. ЛОРЕНЦ. Год серого гуса

Кабан и его зоолог

Вместо предисловия

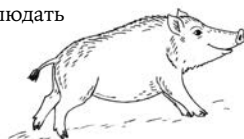
По кабаньим следам

Я иду по кабаньим следам на снегу. Страшно подумать, сколько я уже тропила* этих копытных за то время, что их изучаю. Я ходила за ними в согах и кедрачах Западной Сибири, но больше всего — в дубравах, сосняках, тростниках и ивняках юго-восточной части Мещёры. Именно здесь расположен Окский заповедник, в котором я работаю уже много лет.

Следы уведат меня в густой ивняк, где легко и удобно идти кабану, но не человеку. Ветки хлещут меня по лицу, потому что оно расположено на их уровне и к тому же плоское и голое. И глаза у меня беззащитные — того и гляди веткой выколет. Не то что у кабанов: впереди длинное коническое рыло, а маленькие глазки расположены так, что в них ничего не попадет. А если и попадет — не велика беда, потому что глазное яблоко втягивается, соприкоснувшись с посторонними предметами. Такое специальное приспособление для жизни в густых зарослях. Кабан в ивняке, тростнике или березовой чапыге — как рыба в воде. Недаром А. А. Слудский писал, что форма тела у кабана «лещеватая»¹ — то есть уплощенная с боков, как у леща. Мохнатыми ловкими рыбами лавируют кабаны в зарослях. А я — за ними.

Так я ходила по Окскому заповеднику за секачом, которого назвала Лосеногий за широкий, почти лосиный шаг. Он милостиво разрешал мне идти по его следам. Это был взрослый, клыкастый и необычайно статный самец, бегав-

* Тропить — здесь: идти по следам животных, чтобы наблюдать за ними, изучать их поведение и ставить фотоловушки.

ший по всему заповеднику по своим секачинным делам. Пока не закончился гон, в день он мог пройти километров 15, чтобы пометить деревья на своей территории и пообщаться с живущими далеко друг от друга знакомыми самками. Например, с кабанихой, которую я назвала Черной за темную, по сравнению с ее детьми, окраску. Я ходила за Лосеногим, пока он занимался своими амурными делами, потому что изучала маркировочное поведение кабанов. Кабан просто жил свою жизнь, а я документировала каждый его шаг, каждое действие. Конечно, не за одним только Лосеногим я ходила. В базе данных у меня есть тропления секачей Горбатого, Чемодана, юного самца (подсвинка) Катыша, Натуралиста, самок Черной, Пегой и Элеоноры и других моих кабанов. А также многих и многих безымянных вепрей, неизвестно откуда появляющихся в заповеднике, а потом исчезающих за его пределами.

Предчувствую вопрос: как я узнаю и различаю своих кабанов? Для этого у меня есть развешанные в лесу фотоловушки — камеры с датчиками движения, работающие в режиме «фото» и «видео». Фотоловушки распределены по лесу не как попало. Я устанавливаю их возле кабаньих деревьев-чесалок, или, как их еще называют, сигнальных (маркировочных) деревьев. Зайдя почесаться о дерево, кабан попадает в поле зрения фотоловушки. Камера делает снимок и отправляет его через интернет мне, а затем записывает минутный ролик, который я просмотрю позже и узнаю подробности посещения кабаном дерева-чесалки.

Изучение поведения кабанов — моя страсть. Основная же моя обязанность в заповеднике как териолога — мониторинг популяции кабанов (а также и некоторых прочих крупных млекопитающих). Но сейчас речь пойдет именно о кабанах. Идеально, если я буду знать в лицо (рыло) каждого секача и подсвинка из всех кабаньих стад. От меня требуется ежегодно определять численность кабанов в заповеднике, их распределение по территории, возрастной и половой состав по-

пуляции, стадность (среднее число особей в группе), размер выводков, общую смертность и сохранность молодняка — те параметры, по которым можно судить о благополучии кабанов. Для этого я использую метод зимних троплений и анализ данных с фотоловушек.

В Окском заповеднике популяция кабанов находится под контролем исследователей более 70 лет, с момента возвращения этих копытных в юго-восточную часть Мещёры, где они были истреблены людьми еще в XVIII в. Изучали кабанов разными методами. Это и классические тропления по снегу, и отлов и мечение ушными метками, и научный отстрел. А сейчас пришло время максимально щадящих методов — таких как, например, фотоловушки, позволяющие получить много интересного материала без серьезного вмешательства в жизнь зверей.

Интересно и даже почетно принять свою научную тему из рук предшественника, встроиться в ряд «кабанологов» Окского заповедника. Секач Лосеногий идет чесаться о толстенную сосну, кора которой снизу ободрана, а луб отполирован кабаньими боками. Вот она — преемственность в жизни кабанов: об это дерево чесались многие поколения вепрей. Я отмечаю местоположение сосны-чесалки в навигаторе, а потом, дома, смотрю карту с чесалками, составленную лет 40 назад моим предшественником. И нахожу на ней ту самую сосну. Это преемственность, отличающая научную работу в заповедниках. Да, зачастую мы, сотрудники заповедника, не имеем доступа к новейшему дорогостоящему оборудованию, но наши работы ценны длинными рядами данных.

Однако, осознавая всю важность работ по мониторингу состояния кабаньей популяции, я больше люблю этологические исследования. Мне всегда было интересно, как живет отдельно взятый зверь, да хоть тот же Лосеногий. Как проходит день кабана? Зачем он развешивает на кустах слюну, взбитую в пену, и трется о деревья? О чем он думает (и думает ли

вообще), когда идет по моим следам до дороги, а потом возвращается обратно? Что заставляет кабана менять направление движения, от чего зависит форма трека его суточного хода? Как он видит этот мир? Как это вообще — быть кабаном?

Множество вопросов в моей голове, когда я иду по следу секача. А еще больше их у меня к кабаньему стаду, ведь это не простая группа ничем не связанных особей, а сложное сообщество с системой соподчинения и социальными ролями...

Пригласить бы кабанов как-нибудь к себе на кофе (железевый, конечно) и обо всем подробно расспросить. Но, увы, такое может случиться разве что во сне, а наяву знания добываются совсем другими методами.

Итак, я иду через ивняк по следам кабанов. Я нагибаюсь, и мокрый снег сыплется за шиворот. Мне кажется, что через этот ивняк я иду целую вечность, будто я вовсе никогда не выбиралась из него. Ведь все мешёрские ивняки похожи друг на друга — серые, густые, неприятные. И вдруг впереди слышится взволнованное хрюканье. Да, именно так я называю этот kloкочущий звонкий звук, который издает кабан, приоткрывая пасть.

Сквозь кустарник ко мне бежит молодой рыжий кабан Руфус! К этому невозможно привыкнуть. Я слишком отстала, и он прибежал меня проведать. Ободренная его появлением, я пошла быстрее и скоро обнаружила и остальных своих кабанов — Фрею и Фанечку, роющихся в черном низинном торфе.

Если Лосеного, Черную, Пегую и прочих диких заповедных кабанов, бывших у меня под наблюдением несколько лет подряд, я могу назвать «моими» только в кавычках, то Руфус, Фрея и Фанечка — мои кабаны безо всяких кавычек. К нам с мужем они попали трехмесячными сиротками, и мы вырастили из них веселых упитанных подсвинков. Судьба этих ручных кабанов — служить науке и зоологическому просвещению людей.

Мой супруг Алексей работает в заповеднике заместителем директора и сейчас много времени посвящает возне с бума-

гами. Но изначально он был зоологом и занимался изучением бобров. Жизнь нашей семьи в заповеднике никогда не была скучной и слишком уж обычной. Однако мы и представить себе не могли, какой бездонный мир откроют для нас три маленьких веоря в обмен на нашу решимость взять их под свою опеку и обеспечить им максимально естественный образ жизни.

Книга про кабанов

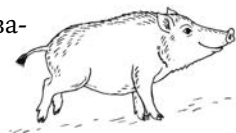
О диких кабанах я готова говорить бесконечно, будь то формат лекции, доклада на конференции, экскурсии или застольной беседы. Я знаю много научных фактов об этих животных, не укладывающихся в привычный для многих образ веоря. Но еще больше в моем арсенале рассказов, почерпнутых не из литературы, а из моей собственной жизни рядом с кабанами.

Уже около 20 лет я рассказываю и пишу о животных, с которыми меня свела работа в Окском заповеднике. В 2025 г. вышла в свет моя детская книжка «Про кабанов, бобров и выхухолей»², написанная в документально-художественном стиле. К моему большому удивлению, она стала лауреатом премии «Просветитель».

Но почему-то задача объединить множество заметок в научно-популярную книгу, целиком посвященную моим любимым животным, диким кабанам, оказалась очень непростой и затянулась на много лет.

Однажды меня спросили, чем мне так нравятся кабаны, что я связала свою жизнь с ними, а не с лосями, волками или бобрами. «О, об этом я могу написать целую книгу!» — воскликнула я.

На следующий день я подумала, что именно об этом она и должна быть. Уже много лет, как я пишу книгу о кабанах. Начала я ее еще в первые годы работы в Окском за-

поведнике. Радость от погружения в природу настолько меня захлестнула, что я не могла молчать. После довольно унылых лет студенчества в городе Москве я наконец-то оказалась внутри своей мечты. Мечта моя многим людям показалась бы кошмаром, но я лелеяла ее с ранней юности. Помню, как в школе на перемене мы с одноклассницей в едином порыве мечтали уехать из Москвы. Нам не нравились серость, скука и обыденность. Нас, юных романтиков, влекли мечты. Но ее мечта влекла в Германию, к готическим соборам и богатым магазинам. А меня — в российскую глубинку, в заповедник, на лесной кордон.

Итак, моя заповедная мечта исполнилась, как только я получила диплом о высшем образовании. Я устроилась работать в Окский заповедник на должность младшего научного сотрудника, на такую мизерную зарплату, что моя одноклассница, мечтавшая о Европе, закатила бы глаза. Теперь мое единение с природой не было ограничено каникулами и экспедициями, и я ринулась восполнять потерянное время (как говорили мы, будучи юннатами биологического кружка, «день, проведенный в городе, — потерянный день»).

Моим любимым местом в заповеднике стал кордон Липовая гора. Там я познакомилась с Большим Липовогорским Секачом — могучим и каким-то полумифическим вепрем. Глаза этого хозяина кудрявой пойменной дубравы (рассмотренные мной в бинокль) были карими, как омут реки Пры. И сам он казался мне похожим на Пру, которая в межень тихо и мирно шелестела темными водами по песчаному дну, а ко времени половодья наливалась мощью, теряла берега, становилась дикой и яростной, будто вепрь во время гона. Ее бешеные струи рыли песчаные берега и роняли вековые дубы, в водоворотах кружились прошлогодние желуди и дубовые листья. А потом река затихала, отступала, возвращалась в русло. И обновленная пойменная дубрава, удобренная речным илом, зеленела, стущалась и наполнялась птичьим пением. Тогда на пригорках посреди поймы, в гнездах из шиповниковых веток по-

являлись на свет многочисленные полосатые дети Большого Липовогорского Секача.

Моя первая книжка про кабанов носила рабочее название «Царь дубравы» и была странного свойства. В ней грозились друг на друга впечатления от росистых рассветов, древних староречий и таинственной жизни вепрей в залитой водой весенней пойме, гуще летней дубравы, осеннем тростнике и зимнем сумраке. По отзывам, в этом тексте было много поэзии и радости жизни, но мало фактов и полностью отсутствовал сюжет. Неудивительно, что дальше публикаций ее фрагментов в «Живом журнале» дело не пошло.

Прошли годы. Я защитила диссертацию, набралась реального полевого опыта и научных знаний и снова взялась писать книгу о кабанах. На этот раз в ней были и рассказы о моей работе с дикими вепрями в заповеднике, и немало занимательной научной информации. Не было только цельности и ясности формата. Описывая то, что интересно мне, я совсем не думала о своем читателе. Кто он? Что я хочу ему поведать?

В мучительных попытках создать цельное по формату произведение я тасовала его фрагменты в разном порядке, придумывала логичную структуру. Но то проседало начало, то выбивалась середина, то непонятно, что было делать с концом. Сбивался ритм, никак не находилась нужная тональность. Вместо того чтобы стройно течь в едином русле, текст разбивался на множество рукавов и зарастал ненужными подробностями. А время шло, менялись мои жизненные обстоятельства, менялась я сама. Неоднократно я говорила друзьям, что наконец-то книга вышла на финишную прямую, а потом перечитывала написанное и понимала, что это никуда не годится. Тем временем договор с издательством был подписан, сроки сдачи книги давно прошли, а я забраковала уже третий вариант своего текста.

От творческих мук меня спасали наши ручные кабачики — Фрея, Руфус и Фанечка, требовавшие регу-

лярного выгула. Они обитают на огороженном электропастухом участке заросшего сосняком поля, на краю территории конно-туристического комплекса недалеко от Окского заповедника. Хотя кабанята и живут практически в лесу, они привыкли гулять с нами по ближайшим окрестностям и без прогулок начинают скучать. Конечно, я завела «вепревым детям» (так мы называем своих воспитанников) страничку в соцсетях, и довольно быстро у них появились поклонники. Многие подписчики захотели познакомиться с кабанятами лично и стали специально приезжать к нам в выходные, чтобы прогуляться по окрестностям деревни в компании кабанов. Если вкратце, тот так и появился наш проект «Прогулки с кабанами» — своеобразная интерактивная экскурсия, во время которой люди знакомятся с дружелюбными и хорошо социализированными кабанчиками в естественных условиях и слушают мои рассказы о том, как устроена жизнь диких вепрей.

Конечно, наши гости постоянно задают мне вопросы о кабанах, и, отвечая на них, я задействую свой опыт общения с этими животными, свои знания, полученные из литературы и во время исследований. И вопросы эти отлично помогают структурировать информацию в голове. Должно быть, количество перешло в качество. В голове сложился образ потенциального читателя и оформилось понимание того, что именно я хочу донести.

Близкая для меня метафора природы — огромная, со Вселенную размером книга. Люди изучают ее веками, но так и не могут до конца перевести на свой язык. Каждый человек, наделенный свойствами исследователя, занимается изучением и переводом той части книги природы, которая ближе и притягательнее для него. Отведенная мне строчка в книге природы посвящена кабану — одному из великого множества видов земных существ.

Мне представляется, что Бог, создавая животных (неважно, каким именно способом), заложил в них своего рода послания для нас — людей. Каждый вид может чему-то на-

учить, показать нам нечто важное. Конрад Лоренц писал, что людей в животных привлекает некая свойственная им гармония и красота. И я с ним согласна.

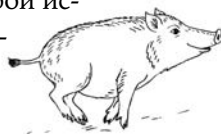
Итак, мои читатели, я приглашаю вас в путешествие по миру кабанов Окского заповедника. Нашими проводниками в мир диких вепрей будут «мои» кабаны, изучением которых я занимаюсь в заповеднике, а также мое маленькое ручное стадо — Фрея, Руфус и Фанечка. Мы с вами пройдем по кабаньим тропам, заглянем в кабанье гнездо, узнаем, как устроено сообщество вепрей, как они общаются между собой, что едят и как проходит их день. И даже попробуем посмотреть на мир глазами дикого кабана. В этой книге вы найдете немало историй из жизни кабанов и их исследователей, полезные зарисовки из заповедника и интересные научные факты. И если по прочтении книги вы тоже проникнетесь красотой этого удивительного вида животных, я буду считать, что достигла своей цели.

Очарованный зоолог

Среди биологов, внесших в науку действительно выдающийся вклад, наберется лишь горстка таких, кто посвятил жизнь избранному предмету не потому, что подпал под чары его красоты³.

К. Лоренц. Год серого гуса

Вопрос о том, почему один зоолог выбирает объектом своих исследований волка, другой — лося или мышь, действительно очень занимательный. Не все ученые имеют приверженность к какому-то определенному виду животных, некоторым важны не звери как таковые, а общие закономерности природы. Или же все звери им в равной степени симпатичны, а специализация произошла волей случая. Но порой исследователи имеют любимчиков среди представи-

телей фауны, и именно очарованность определенным видом животных дает толчок к научной карьере.

Для некоторых ученых работа с определенными видами (или группами видов) была настолько принципиально важна, что они упорно стремились туда, где эта мечта могла исполниться. Даже если ареалы обитания зоолога и его вожделенного объекта исследования исходно не совпадали. Среди моих коллег есть очень яркие примеры таких пристрастий, приведших в том числе к отъезду из родной страны. Например, Соня Долотовская переехала из России в Германию, потому что хотела изучать обезьян, и только их одних. Обезьян в Германии нет, но зато там есть Немецкий приматологический центр в Гёттингене. Материалы для диссертации по медным прыгунам она собирала в джунглях перуанской Амазонии и блестяще защитилась в Гёттингене. А вот Хосе Антонио Эрнандес-Бланко уехал из Испании в Россию, чтобы изучать волков. Сейчас он работает старшим научным сотрудником в Институте проблем экологии и эволюции РАН и в заповеднике «Калужские засеки». Кстати, когда мы с ним встречаемся на научных конференциях и семинарах, он неизменно говорит мне: «Это хорошо, что вы занимаетесь кабанами. Люблю, когда изучают наших жертв». И улыбается обаятельно и немного хищно. Для него, как специалиста по крупным хищникам, кабаны — в первую очередь еда.

Я заметила, что на фуршетах и так называемых товарищеских ужинах, которые случаются после конференций, териологи, как правило, кучкуются по принципу интереса к какому-либо виду или группе видов зверей. Это происходит совершенно естественным образом. Вот, к примеру, «хищный» столик — там что-то горячо обсуждают волчатники и специалисты по тиграм и леопардам. А вот столик «бобровый» — боброведам тоже есть о чем поговорить. Отдельно держатся мышатники — специалисты по мышевидным грызунам. Свой круг у исследователей копытных животных, среди которых выделяются зубрятники, оленятники и мы, кабанологи. Конечно, зоолог, взяв свой бо-

кал, легко переходит от одного столика к другому. Также переходят исследователи от одного вида животных к другому, участвуя в различных проектах. Даже я, со своим давним интересом к кабанам, занималась в разное время бобрами, барсуками и медведями. Но, как уже было сказано, часто у зоологов есть какие-то любимые виды, играющие в их жизни особую роль.

Иногда, проходя свои маршруты по заповеднику, я встречаю Николая Васильевича Уварова, старого зоолога, который до меня занимался здесь изучением кабанов. Чаше всего его можно увидеть на берегах реки Пры — он ищет следы выдры. Николай Васильевич уже давно на пенсии, и никто не гонит его проводить учеты околотовных животных. Тропит выдру он, осуществляя мечту своей молодости. Только на пенсии зоолог смог уделить внимание зверю, который интересовал его больше всех других. Действительно, трудно не поддаваться обаянию речной выдры. Это веселое, энергичное, любопытное и игривое животное, с какой-то своей непростой социальной жизнью. Но, пока Николай Васильевич работал в заповеднике научным сотрудником, к выдрам он мог забегать только по выходным. Его основной работой были кабаны, затем в нагрузку к ним волки и бобры. О волках Николай Васильевич всегда отзывался очень тепло, а о кабанах — с некоторым пренебрежением: «Свиньи — они свиньи и есть». Кабанов он изучал 40 лет, но его сердце они не зацепили.

В предисловии к книге «Год серого гуся» классика этологии Конрада Лоренца я нашла следующие слова: «Среди биологов, внесших в науку действительно выдающийся вклад, наберется лишь горстка таких, кто посвятил жизнь избранному предмету не потому, что подпал под чары его красоты»⁴. Лоренц считал, что наш исследовательский интерес привлекает именно гармония, присущая живым существам. Можно много рассуждать о природе этой гармонии. Лично я считаю ее отпечатком рук Творца на своем творении, отблеском рая для тех, кто смотрит на природу внимательно и непредвзято.

Быть может, каждый человек имеет «рецепторы» к красоте особого рода, и потому одному нравится степь, а другому — тайга, одному — розы, а другому — лилии, одному — волки, а другому — вепри. Я убеждена, что каждый вид животных по-своему прекрасен. Некоторые из них (котики) нравятся почти всем людям, но есть создания (например, выхухоль), чью красоту могут увидеть только особо подготовленные ценители. Другой вопрос — как возникает эта чувствительность к прекрасному, что инициирует прозрение, когда с явления, предмета или существа вдруг спадает пелена обыденности.

Многие считают, что в этом бывает виновно сильное впечатление, полученное в детские годы. Например, увлечение Конрада Лоренца серыми гусями началось с того момента, как, шестилетним ребенком, он увидел стаю гусей, летящую над долиной Дуная. Великий зоолог, изучивший поведение многих видов, от галки до куторы, через всю свою долгую жизнь пронес восхищение именно этим видом птиц. Легендарный грузинский териолог Ясон Бадридзе, два года проживший в лесу с волками, рассказывал в интервью «Русскому репортеру» о своем детском опыте: «...мы пришли с отцом в лес — и услышали вой волка. И это было страшное впечатление, что-то потрясающее! Все в душе перевернуло. И до сих пор я, как вой слышу, какое-то волнение наступает, куда-то хочется бежать, трудно объяснить... С этого, судя по всему, все и началось. И когда вопрос встал ребром, чем заниматься, я выбрал их»¹. Хосе Антонио Эрнандес-Бланко тоже в детстве ходил в походы — с другом семьи, который был хорошим натуралистом. Там, в горах Испании, он впервые услышал волчий вой и тоже поразился его красоте. Возможно, именно этот эпизод определил направление его научной карьеры.

А ихтиолог Никита Корнилов заинтересовался акулами после фильма «Челюсти». «Посмотрел его в пять лет, и вот результат: работаю с акулами, — рассказывает он в интервью Дмитрию Куркину. — Не испугался, как многие, кто видел этот фильм, а, наоборот, заинтересовался тем, что акулы со-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru